

Ефим Финк

Эротические шалости

18+

Ефим Финк

Эротические шалости

«Автор»

2026

Финк Е.

Эротические шалости / Е. Финк — «Автор», 2026

Откровения без "миссионерской скуки". С умом и изяществом, наслаждайтесь и удивляйтесь. Исследуйте психо-эротических возможности. Загляните, и узнайте, где начинается настоящая свобода.

© Финк Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ефим Финк

Эротические шалости

Глава

Путешествие в экстаз

Путешествие обещало массу впечатлений. Они нахлынули на меня почти сразу, только наш экскурсионный автобус тронулся в путь. Еще и гид любезно сообщила, поправляя пластовый бутончик на лацкане: «через два часа пути, будет техническая остановка». Внутренне я взвыла - мочевого пузыря уже сейчас требовал нажать на тормоза. Но о том, чтобы остановить автобус и ринуться в ближайшие кусты, не было и речи: Европа. Цивилизация опорожнения. Я мысленно застонала, проклиная себя за беспечную оплошность. Тупая, нелепая смерть в самом сердце культурного прогресса. Лопнуть... кончиться... Ко-о-ончить... Ничего себе, идея! Прямо в самый мозг жарким посылом! Шалить в транспорте, такое со мной впервые, но тем интереснее расширяются горизонты восприятия. Вот как: переключить стрелки внимания с телесной паники на уровень управления. Легко - направить воображение с повыше на пониже и... Я покосилась на соседа. Что же ты? Это был худошавый человек лет тридцати пяти с прилизанными волосами и острым личиком. Он сидел с ощущением проглоченного кола. Будто все что интересовало пассажира, сосредоточилось во рту у щебечущего гида.

Через проход от нас разместились его антисексуальная жена, пучеглазая, дородная блондинка с вялой дочкой пред школьных лет. О такую бабищу, любая сексуальная фантазия разбивалась, как о надгробие бокал мечты. А муженек зашел бы живительным глотком эротического нектара. Почему бы не устроить воображаемую вакханалию? В извилинах затеплились пикантные идеи телесных наслаждений, по-всякому. С разными непристойностями, от представления о которых адреналин плеснул в лицо и струйки жара заматались по телу. Содрав куртку, я бросила ту на колени, спрятав под ней руки, которые непроизвольно потянулись к сокровавому. Но... стоп! Не стоит торопиться. Приятное занятие нужно растянуть на оставшиеся полтора часа пути, ну-уу... хотя бы на минут сорок. Закинув ногу за ногу, я ощутила давление джинс и твердую поверхность шва. Ух-х, ты! – в судорожный выдох. Теснее сжимаю бедра, влагалище сокращается. Шоу начинается! Вот бл..., так я за двадцать минут управлюсь, разочарованно вздохнула, ослабив мышцы. Автобус накренился, и я прочувствовала выражение: «моча ударила в голову». «К черту, будь что будет», - решила, отдаваясь на волю себе. Крепче сжала мышцы влагалища, а затем медленно ослабила напряжение, загозила, выбирая менее слякотную позу. Не хватало, чтобы возбужденный заряд экстаза предательским пятном расплылся сзади штанов. Искоса взглянув на соседа, убедилась, что он не подозревает о пучине страсти творившейся около него. Мужчину сморило. И мои бессовестные руки смело полезли к точке вождения, затеяв там активную возню. «Тише-ее...!» - Одернула себя, желая продолжать мучительную пытку без вмешательства со стороны. Неведенье попутчика лучшее средство тайного удовольствия. Время тугими толчками пульсировало в висках, заставляя вагину все чаще, с оттягом сжиматься. Представила, как пылкий член касается клитора, потирая его ланцем нежной кожи. Головка требовательно упирается в тесный вход. Зовущее поддаюсь вперед, медленными сжатиями влагалища вбираю его в себя. А-аа-х... Спазм скручивает, наполняя сладостной истомой. Осторожней, пронеслось в голове, соседское око, возможно, уже не дремлет. И будет стыдно, когда видно. Но... черт возьми, потом! Мгновенье, и мне безразлично, что происходит рядом. Во рту сладковатый привкус запретного, бессовестного вызова.

Пальцы, будто сами, нашли путь сквозь плотную ткань. Мир сузился до точки под джинсой, до пульсации в висках, до моторного ровного гула. Все в фон. За кулисами – экстаз. Но вскоре он вымахнет на сцену, под яркие софиты вожделения. Ягодицы сжались и одновременно сократились внутренние мышцы, потянувшись навстречу мифическому упругому члену. Он насаживает меня с яростной медлительностью, точно выпытывая сокровенную тайну. Сладко – мучительное продвижение расширяет мое тесное пространство. Я жадно впитываю его разгоряченное естество, не разрешая выхода. Тело – пружина. Свитая до красной пелены перед глазами, живот напрягается до боли, челюсти сжимаются, во рту появляется терпкий привкус надвигающегося оргазма. Сдерживаю себя, чтобы не выгнуться до спинки переднего кресла, но от этого становится еще невыносимей. До прикушенной губы с обжигающим вкусом крови. Мне кажется, что сейчас меня разорвет – лопнут даже капилляры, забрызгав окружающее чувственным удовольствием. Не в силах дальше терпеть разжимаю губы, испуская тихий сладострастный стон. И вместе с ним – взрыв. В бурю, в цветную провокацию заволакивают внутренний взор. Хаос одинокого экстаза. С усилием напрягаюсь, не давая телу окончательно разбушеваться. Возвращаю зад на место. Вжимаюсь. В плотную ткань реальности. Глубже в сиденье. Вспышки редуют, уступая место обыденной темноте. Хриплой реальностью ревет голос гида, разрывая ткань фантазии, через двадцать минут остановка. Ничего себе, всхлипываю я, порезвилась! И открываю глаза. Жена храпит, раззявив разляпистые губы, так что мне кажется – рот вместилище для сотни членов. А как там муж? Сосед смотрит на меня искоса. Дыхание прерывистое. Наши глаза встречаются. В его зрачках затмение и мужчина нетерпеливо дергает мою куртку и тянет к себе. Вот так-то, путешественник.

Губы, сиськи и глаза

Был бы повод, а наказание у некоторых начальников найдется. В нашем учреждении руководитель завелся безнаказанный. Эдакий любезный мерзавец, который отказывается применять санкции к сотрудницам, хоть завали работу отдела на год, а хочешь – наплюй на контрольные документы из департамента. И что характерно, выдвигает сногшибательные аргументы. Так что ни одна дамочка не устояла на своих длинных ногах. Ну, к делу... С утра пораньше в приемной обозначилась заточенная пигалица из вышестоящего пантеона. Вся такая летящая и разящая, будто удар молнии посланный карать нерадивых поданных.

- Не исполненные приказы, Изольда Анатольевна! – Рапирный ноготь лимонно-голубым росчерком описал карающую дугу и воткнулся в секретаря.

- Позвольте, Ксения Людвиговна, - трепыхнулась за столом секретарша, - вчера в семнадцать пятьдесят четыре было отправлено.

- Поздно! Я буду разговаривать с вашим руководителем! Феликс Федорович на месте?

И не дожидаясь ответа, в котором, впрочем не нуждалась по причине божественного ранга, Ксения Людвиговна вплыла в щель, как сапборд – плоская и длинная. Косяка не потревожила ни грудью, ни ягодицами.

Изольда Анатольевна вздохнула. Департамент по физическим параметрам хоть и имел вид плоский, однако характер крутой, способный к травле всего учреждения. Чем и подтвердил высокомерную вздорность. Феликс Федорович вызвал исполнителя документа. В приемной робко обозначилась худенькая и хрупенькая Ольга Денисовна. Изольда Анатольевна проводила ее сострадательным взглядом в кабинет и подумала, что поставит той свечку за здоровье. Мысль оказалась пророческой. Помещение сотряслось директорским воплем, от которого канцелярия посыпалась со стола, а из шкафчика выпада фарфоровая чашка с пингвином. «К деньгам», - подумал Изольда Анатольевна, собирая осколки. Впрочем, надежда получить премию ко дню муниципального служащего после визита «доски» сводилась к нулю.

Директор неистовствовал. С гвоздя на стене съехал портрет Президента. За ним потянулись другие картины. У репродукции «Девушки с жемчужной сережкой» на глазах навернулись слезы. И вдруг до секретаря донеслись компромиссные подвизгивания Ксении Людвиговны:

- Ну что, вы, Федор Феликсович, все же сделано... вот вчера еще...

Тон директора снизился до назидательного бубнежа, а потом и вовсе смолк. Девушки вышли и молча пошли к выходу. Уже на пороге Ксения Людвиговна остановилась и повернулась к Ольге Денисовне.

- Надо делать сиськи, - решительно изрекла она, уткнувшись взглядом в грудь оппонентки.

- Сделаете, оставьте контакт мне, - отозвалась Ольга Денисовна.

- Угу, - проронил департамент.

- Что? – Опешила секретарь.

- Это у меня накладки в лифчике, а с грудью – шфах. Но я же рожала, - печально пояснила Ольга Денисовна и вышла.

- А может сначала губы, а потом сиськи... – Размышляла Ксения Людвиговна, цокая следом.

- Причем здесь...? – Начала Изольда Анатольевна, но приемная опустела.

- Феликс Федорович, - заглянула она к руководителю, томимая любопытством, - вроде вы про неисполненные документы кричали, а девушки грудью озаботились.

- Я сказал, что никого не смогу наказать. – Невинно посмотрел в большие голубые глаза секретаря Феликс Федорович и улыбнулся. - У одной глаза красивые, у другой губы, а у третьей – сиськи.

До конца рабочего дня Изольда Анатольевна перебирала в уме образы сотрудников, но двух не наказуемых кандидатур, так и не смогла припомнить.

Периодика удовольствия

Юность моя прошла в томительно-щемящих нарушениях запретов и ограничений. Страх разоблачения сладостного позора преследовал меня долгие годы.

Запуганный родителями, («писюлька» не вырастет», «память будет плохая» и прочее) но не сломленный я с настойчивым азартом встал на путь одинокого и сладострастного самопознания. Жизнь, наконец, приобрела блистательный смысл и какую-то неведомую грань свободы, наполненную эротическими фантазиями и соблазнительными экспериментами.

Первый опыт накатил внезапно. Так неожиданно, что я растерялся, сделав глупость, едва не стоящую испорченной чести смолоду. В каждом учебном заведении водился умопомрачительный экземпляр девочки, за которой мальчишки увивались, будто встревоженные змеи в серпентарии. У меня, же, шансов не было. Не вышел я ни ростом, ни внешними выдающимися признаками, обычный такой парнишка, к тому же в очках. Но оставались сны. В одном из них я умело начал раздевать королеву грез. До неприличия возбужденный, я так вертелся и терся, что в полусне неосознанно избавился от похотливого накала и совершенно измотанный провалился в расслабленный сон, лишенный восхитительных миражей.

Утро встретило неясными воспоминаниями о прошедшей ночи. Память освежило «примечательное» пятно на простыне, недвусмысленно напоминая о содеянном. Я струхнул. Мать, наверняка, поймет причину появления столь откровенного греха. Еще и отцу доложит, а тот как начнет..., так хоть уши свинцом заливай. Представить страшно, чем меня еще они запугают. Недолго думая, я залил компромат чернилами. Они частенько выручали и в школе, когда в дневнике красовалось уродливое два. Маме рассказал, что заправлял ручку сидя на кровати. Преступные «шалости» остались безнаказанными, но взбучку я все же схлопотал. Скрыв вину, чернильное пятно просочилось на матрац. На некоторое время удовлетворение посредством трения о какой-либо предмет стало моим непосредственным занятием перед сном. Действовал я уже по-умному, прихватывал в постель носовой платок, который во время утренних водных процедур застирывал. Небывалое открытие наступило, когда я мылся в душе. Тщательно «полоща» «друга», я вдруг внезапно кончил. Изумленный открывшимися перспективами, я одурманенно окунулся в «кулачные» исследования. В наполненной ванной я в упоении «гонял

ручника», наслаждаясь дивным визуальным рядом — выплеснутое в воду семя растекалось причудливыми узорами. Сначала появлялись кольца, будто дым, выпущенный курильщиком, смакующим табак. Затем мое произведение медленно расплывалось, принимая формы медуз или плавные очертания облаков, или плотных сгустков тумана. Я представлял себя художником, рисующим собою по воде. Я был творцом. Победителем визуальных рядов. Полководцем, пробившимся сквозь «альпы» запретов. Я шел в бой, завоевывая новые территории удовольствия. И, наконец, овладел нечто большим, чем Гаргантюа, экспериментирующий с подтиркой заднепроходного отверстия. Мои познавательные устремления распространялись глубже. Они затрагивали саму основу жизни, саму цель существования каждого мужчины — овладеть вагиной. Меня захватило неимоверное желание узнать, какая она. На вид, на цветну-уу... на все...! Особенно интересно было представлять, что почувствует «дружбан», вторгаясь в загадочное пространство. Приходилось довольствоваться малым: тем, что попадалось под руку. В продмагах продавались стеклянные бутылки с молоком или кефиром. У них было широкое горлышко закрытое крышечкой из плотной фольги. Целая батарея выстроилась дома под раковиной, ожидая сдачи во вторсырье. Они и привлекли мое шальное воображение. Чем не женский орган? «Гигиенично, и не нужно больше стирать платок», — легкомысленно решил я. И томимый жаждой познания, приступил к апробированию тары. На первом заходе она показала удобной: гладкое горло заманчиво сжимало основание члена, легко и свободно елозя. Но потом... Когда спазм уже подбирался к горлу, а сперма была готова молочно стечь в по стеклу, я понял, что тара вот-вот превратится в капкан. В секундное горе членовредительства. И в миг до позорного фиаско со чпоком спас достоинство. Я смотрел на бутылку и чувствовал, как страх стекает по венам. И когда он достиг головки, стало пусто и холодно. А в голову пришла мысль, — как же можно, вот так легко и бесповоротно в погоне за чувственным опытом в самом начале эротических открытий, взять и повредить достоинство. Ужас!

Душещипательный эксперимент принес открытие — не во все места можно совать член. И я начал более тщательно подходить к выбору новинок. Использовал свернутые в трубочку газеты, те, что выписывал отец: «Искра» и «Правда». «Правда» была жёстче, а «Искра» пачкала свинцом пятилеток. Никакой сексуальной привлекательности от надоев, соцсоревнований и заседаний партии. К тому же, многотиражки быстро устаревали, приходя в негодность. Интереснее было использовать тетрадь в коленкоровой обложке на 96 листов. Надежный, удобный материал, который я перехватывал аптечной резинкой, делая отверстие с подходящим диаметром. Внутри помещал целлофановый пакетик. Эту дефицитную упаковку мать полоскала и вывешивала на бельевой веревке, а я крал по одному в неделю. Для эффекта ощущений и ровности хода придумал использовать клейстер, сваренный из крахмала. Тетрадами я развлекался около месяца, но потом пришло пресыщение. И пакетики мать начала тщательней пересчитывать. Деятельная сексуальность требовала очередных изысканий. Целлюлоза оставалась безвредным фаворитом. Мама выписывала два ежемесячных социально-бытовых журнала: «Работница» и «Крестьянка». На их обложках иногда печатали симпатичные, задорные лица ударниц труда, передовиц производства. Двойное удовольствие в красках! Технически разработанным тетрадным навыком, я с энтузиазмом «читал» журналы, но осторожно — так, чтобы не затереть лицевую сторону. Мама иногда возвращалась к старым номерам, выискивая что-то полезное. Со временем я стал отдавать предпочтение «Работнице». Там, казалось, бумага была плотнее, фотографии женщин привлекательнее и ярче. Каждый номер был волнующим свиданием с незнакомкой. И в день ее прихода уже утра я чувствовал сладостно-томительное предвкушение. Раз десять сбегая на нижнюю площадку, проверить почтовый ящик. А к пятнадцати часам, когда почтальонша разносила отправления по нашему дому, тревожные барашки во всю щипали нервы. Увижу или не увижу? Чаще всего, конечно, были женские лица. И я занимался «этим» со многими. Это было поистине шикарное разнообразие. Я был шахом в гареме социалистического труда! Я один! Один я, на множество лиц! Лиц молодых и

не очень, строгих и радостных, социалистических республик и местного колорита, но всегда с изюминкой. Я устраивал целые конкурсы, отбирая на «ложе» самых прекрасных. Я раскладывал журналы по номерам и годам, стопками и в разброс, усаживал на стулья и клал в кровать, а иногда на полу и в ванной, однажды, не удержавшись, даже на лестничной клетке – было свежо. Перед моим строгим, алчным взором проходили тысяча и одна «наложница». Благосклонность чаще всего распространялась на дам из ежемесячников с 1985 по 1987 года. Ооо..., как я терзал обложки! Но всему приходит конец. «Распутство» пресеклось на десятом номере «Работницы». На форзаце крупно напечатали фотографию лукаво улыбающейся белокурой девушки с задорными ямочками на щечках. Ее смешливость представлялась мне доступностью, призывом к развратным приключениям. Воспылав сердцем и воделея гениталиями, я очертя голову кинулся в периодический роман. Я даже придумал девушке имя — Виолетта. В нем мерещились сладострастные звуки виолончели. Инструмента, казавшегося мне верхом сексуальной музыки. «Энциклопедию любви» я изучал так часто и основательно что, в конце концов, «заметая следы блуда», выдернул обложку, с диким отчаянием вырвав из сердца бумажную зазнобу. И я спрятал портрет в ящике стола, похоронив тоску в бумажном бардаке. Журналы приходили, а образ той – выдернутой из себя, из половой жизни, не уходил. Не заменялся ни на одну последующую обложку. И пресса перестала волновать мои чресла.

А потом пришла она. Живое воплощение блондинки.

Но на всю жизнь я остался поклонником социально-бытового просвещения советских женщин, научившись читать между строк. Между отчетов о съездах и соцсоревнованиях я познал тайную карту желаний, нарисованную мной самим. И в тумбочки хранятся те несколько журналов, а в памяти – карта. Карта страны, которой больше нет – страны моего отчаянного, сладостного детства.

Остросюжетные шалости

Она принадлежала к редкому типу женщин — со стальным терпением и хищным хладнокровием, с врождённым даром изящно играть на чужих нервах. Антонина переквалифицировалась из «замшелого» специалиста в мастера психологических трюков. К её услугам прибегали эстеты, знающие толк в искусстве эротических игр.

Вторую неделю профессиональная мучительница изматывала жертву «счастливым» неведением — внезапным нападением. Она неуклонно следовала правилу «шашлыка»: клиент должен быть выдержан, а для особых гурманов — вымочен в собственном соку фобий. Острые приправы она добавляла по своему вкусу, а вкусы её отличались элегантной изощрённостью.

Ненавязчиво, но неотступно она демонстративно следила за объектом — так, чтобы тот неизменно замечал в поле зрения её тонированную чёрную БМВ. К концу первой недели преследовательница отметила: жертва обеспокоилась, в ней проявились признаки тревожного ожидания чего-то непоправимого, почти опасного. Перчинку она доб авила скоростным виражом, едва не сбив объект автомобилем. Она редко нанимала посторонних, предпочитая куржиться на грани сама. Однажды «отравила» клиента так, что тот провёл несколько дней на больничном. За «шалости» платили хорошо, но деньги не были для Антонины целью — она получала истинное наслаждение от мужского испуга. Их мимолётная слабость становилась её кратким триумфом власти. Госпожа предпочитала психологическое доминирование.

Женщина взглянула на часы. Скоро наступит время действовать. «Заказ» появится с минуты на минуту. Нога легла на педаль газа, тонкие пальцы сжали руль. Тело невольно напряглось, замерло в пружинном ожидании. В животе свернулась стальная петля предчувствия, во рту появился жестяной привкус адреналина. Она любила этот томительный миг и резкий выпад следом — нападение, неожиданное для жертвы. И та в недоумённом страхе шарахается, мычит и блеет, осознавая происходящее. В такие минуты Тоня ощущала физический накал — острую, почти оргазмическую вспышку. Казалось, пылают даже кончики волос. Ей предстояло выкрасть председателя комиссии медико-социальной экспертизы. Он хотел пощекотать

нервы, она предоставляла такую услугу. Объект, как многие функционеры, дорвавшиеся до власти в лихие девяностые, был тучен — точно балласт, навечно застрявший у кормушки. От одного вида его у Антонины чесались руки и накатывало жаркое ожесточение — та льдистая ярость, что давно разъедала её изнутри, выжигая эмоции. Аттракцион похищения она исполнила виртуозно, избежав шума среди городской суеты. Она знала: в определённый час чиновник направляется кормить свои тела в ближайший ресторан. Возле него и припарковалась. Когда бюрократ появился, она быстро выскочила из машины, притиснулась сбоку, прикрыв травматический пистолет пончо, и свирепо прошептала, уткнув ствол в жирную спину: — В машину. Пикнешь — пристрелю. Она привыкла к приверженности некоторых казнокрадов к дешёвым спецэффектам. До изысков артистической публики сановники рылом не вышли. Тела возмущённо колыхнулись, но быстро успокоились, подчиняясь правилам игры. Мужчина пугливо косил глазом, но послушно шёл, безропотно рухнув на заднее сиденье. — Руки сюда, — прорычала Антонина. Лязгнули наручники. Когда его грубо пихнули, вталкивая глубже в салон, и накинули сверху одеяло, столоначальник восторженно охнул и благодарно затих. Но для «пользы дела» Антонина грозно просипела:

— Лежать тихо, скотина.

Раздалось приглушённое мычание, похожее на довольное урчание борова, угодившего в желанную лужу. Садясь за руль, женщина злокозненно ухмыльнулась.

Она повела машину на север, прочь из города — туда, где пару месяцев назад за бесценок купила у спившегося мужичонки полуразвалившийся хуторок, вдали от проезжих дорог. Российская глухомань — не вырубишь топором. Сзади нагоняла гроза. Тяжело клубились тучи, наливаясь тьмой. Вдогонку заурчал гром, будто в утробе переваривая что-то прокисшее. Но женщина чутьём улавливала: она успеет до того, как небо основательно стошнит на землю. Она успела до первых спазмов. Остановилась у развалистого домика в глубине елового леса. Не спеша вышла из машины, удовлетворённо потянулась, вдохнув полной грудью сгустившийся смолянистый воздух: день задался, и ливень кстати. Синоптики год как не ввали — государственный климат держался на одном гаранте, а тот предпочитал точные прогнозы. — Выходи, гад. — Распахнула дверцу. Жирное тело завозилось, неуклюже выбираясь наружу. Она уважала своих клиентов, но этот грузный тип вызывал в ней гадливость, достигшую омерзения, когда, вывалившись, чиновник звучно испортил воздух. — Госпожа, что вы будете со мной делать?! — заблеял он, валяясь у её ног. — Не твоё дело. Женщина с презрительным злорадством ткнула острым носком туфли в обвислое брюхо. Функционер охнул: — Мой костюм дорого стоит! — Дороже, чем твоя жизнь, падла? — Мы не договаривались, чтобы меня били! — Надоел ты мне. Тоня ловко заткнула ему рот тряпкой, примотав скотчем. — Вот так-то интереснее. Что скажешь? — демонически хохотнула. — Мычи, мычи, канцелярская тварь. Сколько инвалидам ты отказал в помощи? Сколько людей лишил надежды? Сколько измучил отфутболиванием, заставив страдать? Теперь получишь заслуженное... — она сделала паузу и свистящим шёпотом добавила: — Возмездие. От всех искалеченных. В водянистых глазах мужчины плеснул желаемый эффект — неподдельная боязнь. Но до истинного страха было ещё далеко. Она намеревалась вызвать его, растягивая деспотичное удовольствие, неспешно подбираясь к заключительному акту немого ужаса. Антонина надела на функционера замызганный ошейник, оставшийся от какого-то бобика, жившего на цепи у прошлого хозяина, и посадила свою «шавку» на освободившееся место. Резкий порыв ветра принёс острый запах дождя. Лес шумел в смятении. Ухнуло, приближаясь раскатом. Природа, содействуя, создавала неповторимый антураж. Не обращая внимания на истеричное звяканье цепи и глухое подвывание, Хозяйка вошла в дом. Ливень обрушился сразу — как неотвратимость наказания. Тоне не было жаль корчащегося под струями субъекта. Мужчина, мелко дрожа, малодушно пытался забиться под крыльцо, но тучное тело не лезло — поместилась лишь голова, а отключенный зад

торчал наружу, обмоченный. Дорогой костюм шёл на выброс. Но это — ничто против судорог душевной боли.

Она не злорадствовала. Злорадствует тот, кто обижен, испуган и не может сдержать эмоций. Тоня научилась сдерживать. Пришлось. Годами терпеть, унимая рвущее душу горе. И теперь тот, в чьей власти были когда-то они, попал под её влияние. Она не ожидала такого подарка судьбы — словно кто-то главный позволил состояться справедливому возмездию. Много раз она представляла сизую гирлянду кишок, уютно развешанную по комнате, вытянутую из этого чинуши. Но теперь ненависти почему-то не было. Осталась лишь пустота с гнилостным запахом. Мужа не вернуть. Диагноз — сахарный диабет — упал как нож гильотины. Сначала Стас лишился руки, и начались мытарства с доказательствами статуса инвалида. Через год не стало и левой. Новые круги медицинского ада, где медико-социальная экспертиза играла не последнюю роль. Через два года она везла его в инвалидной коляске, лишённого ноги, подтверждать отсутствие очередной конечности. Унизительное рассмотрение — будто милостыню кинули, обглоданную. Сквозь сцепленные зубы и ненасытные рты — плевок: удовлетворить. Она стирала и шла дальше, бессильная в своём юридическом праве. У системы здравоохранения хребет прочный, не переломить. Муж умер. Внутренности остались на лампах — бордово-лиловые тона, в оттенок запёкшейся крови, на губах — немой крик. В правовом поле бесправия. И не хотелось больше жить — ни с тем, ни мириться с этим. И резкая, она поменяла всё, чтобы забыть. Но у возмездия свои законы и пунктики в суровой голове. Гроза лила яростные слёзы, неистово умывая природу. В обличающих укорах громовых раскатов лес почернел и будто надвинулся, давя страшной стихией. Человек на улице до предела натянул цепь, прибил к крыльцу и жался к перилам, словно дело рук человеческих могло защитить и помочь. При каждом ударе грома оплывшая масса панически тряслась. Он жалобно смотрел в окно, где на фоне тусклого света вырисовывался женский силуэт — непреклонная поза, скрещённые на груди руки. И вдруг он понял: он останется здесь до последней капли, прикованный её железной неумолимостью к сценарию игры. Мужчина съёжился, втянул голову в плечи, укрывая лицо от хлестких струй. Капли въедливо забирались в бульдожьи складки, стекали к подбородку и терялись во втором подбородке. Антонина была хорошей Хозяйкой. Она передёрнула плечами — будто в сумеречном ознобе летней грозы таился колючий град студёного зимнего утра. Но вдруг зябкость, вспыхнув паутинным ажуром, растаяла в ослепительных лучах солнца. Антонина очнулась. Решительно вышла на крыльцо, окончательно стряхивая с себя сизый налёт пыльной природы. На дворе сияло и искрилось. Парко дышал густо напитанный влагой лес. Женщина стояла неподвижно, будто окрылённая могучей природой, впитывая обновление. Мужчина загромыхал цепью. Она недовольно обернулась: — Что ещё тут? — будто припоминая что-то далёкое, нездешнее, рассерженно свела брови. — А, шавка... Толстяк преданно взвизгнул. Тоня отстегнула карабин: — Марш в дом! «Тузик», разбрызгивая капли, грузно метнулся внутрь. Она вошла следом — строгая, непримиримая к любому проступку. В роль Антонина входила легко, без надрывных заусениц, и оставалась в ней до последней реплики. Сегодня был её бенефис. В доме пахло мокрым и потным. Тоня поморщилась, глянув на съёжившегося в углу дивана мужчину. — Я что, разрешала садиться?! — взревела она. — И пачкать мебель?! Мужчина ужаленно вскочил и подобострастно затряс большой головой. — Так-то, — вымолвила она и властно подцепила «пса» за ошейник, потащив к дальней стене, где к батарее было приварено железное кольцо. — Сидеть здесь. Щёлкнул карабин. Надменно оглядела притихшее «животное»: — Какой ты неопрятный, грязный. Тьфу! — Плевок ляпнулся на вычурную туфлю чиновника. Тот смотрел на Госпожу с преданностью разыгравшегося щенка. Антонина двинулась к столу, где стоял её неизменный чемоданчик из тёмно-коричневой кожи. Извлекла портняжные ножницы, лязгнув лезвиями. С удовольствием отметила, как чиновника свела судорога страха, а зрачки заплывших глазок расширились до муравьиной точки. Они околело тарасились на решительно приближающуюся Антонину. Та безжалостно

смахнула пуговицы на пиджаке, сосредоточенно отчекрыжила рубашку и беспощадно отхватила ремень. Брюхо вывалилось ничем не сдерживаемое. Антонина брезгливо поморщилась. Одним движением заточенного инструмента «портниха» смахнула с пуза и штаны, залюбовавшись на ситцевые трусы в ромашковом цвету. Живот скрывал половину «поля». «Срезать бы его, — мечтательно подумала Тоня, — и упиваться, наблюдая, как сизая змейка медленно выбирается наружу...» Усилием воли она отогнала сладострастную грёзу. Членовредительство не входило в программу развлечений. Жаль. — «Бобик», я привела тебя в порядок, — отступила она. — Чем ты можешь оплатить мой труд? Деньги? Не-ет... Это слишком легко для тебя и пошло-скучно для меня. Услуга? — Женщина медленно оглядела помещение. — Вряд ли. Ты только и можешь, что орать и унижать людей. А вот так... — Она взяла лист бумаги, плотно скомкала и запустила в должностную харю. Попала в глаз — он заслезился. Но то были не те слёзы, что она хотела вышибить. Те были слишком дороги, чтобы он заплатил за них дёшево. Он, конечно, не помнил её среди тысяч просящих, и она не собиралась вскрывать свой нарыв сейчас. Это была бы очевидная месть, простое удовлетворение надорванного эго — без результата. Антонина составила план и знала итог. — Что ж, займёмся выработкой послушания, мой жирненький пёсик. Мужчина с живейшим интересом утвердительно замотал головой, в нетерпении засучив ногами. «Ага, пёс с алчным интересом томится по "сахарной косточке"», — кивнула себе Антонина. Дрессировка

воздержания была её излюбленной методой. В ней визуальный контакт играл главную роль. По наблюдениям Тони, около семидесяти процентов мужчин падки на зрительные образы. Чем ярче и недоступнее образ, тем сильнее тяга к обладанию — пусть даже в воображении. Она безошибочно определяла визуалов: они пожирали взглядом её утончённую фигуру, а те, у кого была фантазия, начинали раздевать. Чаще всего любители наблюдать употребляли слова: «посмотрите», «видите», «взгляните», «я вижу...». Справляться со «зрителями» ей было несложно, куда противнее — с кинестетиками. Но, к счастью, их процент был ничтожен, чтобы «марать об них руки». Особь, что подобострастно тарасилась на неё, была элементарна до давящего унылого омерзения. Таких тупых субъектов она не брала в обучение. И только жажда справедливого возмездия побудила Госпожу взяться за эту сессию. Чаще всего примитивные типы «заказывали» битьё стеклом. Новички ограничивались добавлением розг или плети с элементами сексуального рабства и скромного унижения. Кнут — процедура для закалённых, знающих толк в истинной боли; к нему прибегают выстрадавшие люди. Неверно думать, что в рабство отдаются с маленькими или дефектными членами — вполне здоровые члены общества любят вылизывать у женщин промежность. Антонина всегда считала это делом вкуса. Мужчины с развитым эстетическим вкусом чаще других доставляли удовольствие орально. У визуальных клиентов, склонных к кунилингусу, слюни текли стоит ей раздвинуть ноги, показав нежную привлекательность интимного органа — обёрнутого в бледно-розовую кожу клитора, прячущего чувствительную головку в разлёте сочных губ. Их хотелось сосать, в упоении причмокивая. Но при одной мысли, что сластолюбивые губы коснутся её плоти, ей становилось тошно. Этого раба она бы лупцевала кнутом в оттяжку — до беспамятства, до ошмётков кровавого мяса, до своего забытья в красных всполохах унявшейся боли. Антонина тряхнула головой, изгоняя вожеленный кадр из внутреннего фильма, и рассыпала огненные волосы по плечам. Настало время сексуальной интриги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.